

ДИАЛОГ

психологический и социально-педагогический журнал

Научно-методический журнал

Выходит с января 2013 г.
Периодичность — 1 раз в два месяца

№ 4 (57)
июль —
август
2013

Учредитель и издатель:
республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Пачатковая школа»»

Директор, главный редактор издательства
ВАНИНА Ольга Владимировна

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 1572 от 28.09.2012,
выдано Министерством информации Республики Беларусь

Главный редактор журнала
ПЕРГАМЕНЩИК Леонид Абрамович,
доктор психологических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Н. А. ЗАЛЫГИНА, заместитель главного редактора, кандидат социальных наук, доцент;

Н. Л. П. БИРЕВИЧ, ответственный редактор, кандидат психологических наук;

Г. С. БЕДУЛИНА, кандидат социальных наук, доцент;

О. В. ВАНИНА;

С. И. КОПТЕВА, кандидат психологических наук, доцент;

Т. И. КРАСНОВА, кандидат психологических наук;

Г. М. КУЧИНСКИЙ, доктор психологических наук, профессор;

Т. А. ЛОПАТИК, доктор педагогических наук, профессор;

Л. Г. ЛЫСЮК, доктор психологических наук, профессор;

О. В. МАТЮХОВА;

А. П. ОРЛОВА, доктор педагогических наук, профессор;

А. А. ПОЛОННИКОВ, кандидат психологических наук, доцент;

Ю. Г. ФРОЛОВА, кандидат психологических наук, доцент

Редакционный совет:

А. И. ЗЕЛЕНКОВ, председатель, доктор философских наук, профессор;

А. Л. ВЕНГЕР, доктор психологических наук, профессор (РФ);

Н. Т. ЕРЧАК, доктор психологических наук, профессор;

Я. Л. КОЛОМИНСКИЙ, доктор психологических наук, профессор;

А. С. ЛАПТЁНОК, доктор философских наук;

П. МЕРИНГОЛО, профессор департамента психологии (Италия);

Р. С. СИДОРЕНКО, кандидат педагогических наук;

Е. С. СЛЕПОВИЧ, доктор психологических наук, профессор;

И. А. ФУРМАНОВ, доктор психологических наук, профессор;

Е. М. ЧЕРЕПАНОВА, доктор психологии (США);

В. А. ЯНЧУК, доктор психологических наук, профессор

Результаты анализа нарратива об опыте создания и развития кризисной психологии в Беларуси

Представленная статья является результатом специального исследования. Участники исследования: Лидия Александровна Вертынская в роли психолога и Леонид Абрамович Пергаменщик в роли нарратора. Результатом исследования стал доклад, с которым авторы выступили на международной научно-практической конференции «Психология и жизнь: Актуальные проблемы кризисной психологии» (Минск, БГПУ, 2019) [4].

Для журнала был проделан дополнительный анализ напечатанного в сборнике конференции текста. Авторам в связи с изменившейся ситуацией в Республике Беларусь было необходимо понять, что из тридцатилетнего опыта развития кризисной психологии следует взять в практику кризисного вмешательства третьего десятилетия XXI века, а что — оставить в истории.

Чтобы появился текст данной статьи, мы обратились к концепции качественной методологии, которая позволяет восстановить опыт прошлого посредством нарратива. Мы учитываем возможность сосуществовать в языковой ловушке, когда рассказанная история отрывается от произошедшего опыта, не давая рассказать, как было на самом деле. Освобождение из «тюрьмы языка» (Ф. Ницше) в репрезентации прошлого происходит через обращения к опыту как археологическому инструменту, позволяющему

**Леонид
Абрамович
ПЕРГАМЕНЩИК,**
профессор
кафедры
социальной
и семейной
психологии БГПУ
им. Максима Танка,
доктор
психологических наук,
профессор

по-новому формулировать вопросы к произошедшему. Таким образом, занимаясь прошлым, можно больше узнать о настоящем, определив, *что именно* в прошлом нас интересует и *как* с ним работать.

История кризисной психологии уместилась в пять этапов, которые изложены в статье. Отдельно представлены выводы, которые позволят сделать следующие существенные шаги по развитию кризисной психологии. Мы уверены, что из истории необходимо делать выводы, иначе мы вынуждены будем повторять пройденное, буксуя на месте, делая ошибки, которые уже совершали. Это закон развития не психологии — это закон жизни.

Первый этап. Формирование запроса. В основе возникновения кризисной психологии находился запрос на работу с психологической травмой как формой коллективного страдания,

полученной в результате аварии на Чернобыльской АЭС и информационного взрыва.

Распространение информации о реальном или предполагаемом ущербе здоровью и переселении жителей наиболее пострадавших районов привело к раскручиванию спирали страха, драматический эффект которой усиливался фактом невидимости, невосприимчивости радиации органами чувств человека, превращая таким образом радиацию в уникальный и чрезвычайно мощный по своим последствиям психострессор.

Оказание психологической помощи в данной чрезвычайной ситуации на территории России, Беларуси и Украины имело запоздалый эффект и во многом определялось неготовностью специалистов осознавать проблему и работать практически. В рамках Всесоюзной программы по ликвидации последствий трагедии на Чернобыльской АЭС были предусмотрены шаги по организации профессиональной подготовки будущих кризисных психологов, что и определило дальнейшую эффективность проведения антикризисных мероприятий.

Произошедшая после Чернобыля повторная травматизация населения в виде распада СССР подорвала существовавшее ощущение коллективности, оказалась крайне тяжким психологическим испытанием. Невозможность оплакать травму, выразить скорбь, символически ее переработать усугубляла общее состояние. Советское общество переживало коллективную травму, оказавшись при этом не в состоянии образовать то, что называется «терапевтическим сообществом», — объединением людей, основанное на порыве к совместному переживанию трагических обстоятельств. Если такие сообщества и были, то они носили локальный и стихийный характер. Не каждый человек был в состоянии в одиночку справиться с такими переживаниями. Именно

в это время проявилась реальная потребность в специально организованной службе психологической помощи, способной адекватно и своевременно реагировать на социальные вызовы.

Второй этап. Методологическое самоопределение, которое проходило через обращение к различным теоретическим подходам для осмысления поведения человека в ситуации кризиса и после него. Выбор научной платформы для обоснования кризисной психологии происходил под воздействием мировой экзистенциальной философии, психологии, литературы. Глубина экзистенциального взгляда на человека и его бытие стала близка кризисной психологии тем, что у человека в кризисной ситуации актуализируются вопросы, связанные с отношением к судьбе, смерти, со смыслом бытия, тревогой, виной и отчуждением и т. д.

В 1991 году мне поступило предложение от декана факультета прикладной психологии БГПУ им. М. Танка С. И. Коптевой и заведующей на тот момент единственной кафедрой факультета прикладной психологии БГПУ им. М. Танка В. И. Слепковой разработать и прочесть академический курс «Кризисная психология». Курс вышел эклектичным из-за попытки совместить описание практического опыта с его теоретическим объяснением в рамках различных социально-психологических теоретических подходов. Тогда не произошло ни попытки выйти из эклектики, ни понимания, почему она так настойчиво «просилась» в программу курса.

Третий этап. Концептуализация практики. В истории развития кризисной психологии этот этап связан с концептуализацией практики оказания психологической помощи в кризисных ситуациях. Шел поиск новых легитимных смыслов, способных оправдать существование тех или иных практико-ориентированных направлений. Белорусским психологам посредством собственной конструктивной активности

Методологические и научно-практические проблемы кризисной психологии

удалось теоретически наполнить проект кризисной психологии содержанием, и теперь им предстояло реализовать его на практике. После Чернобыльской катастрофы первым практическим вызовом стал случай с захватом заложников в одном из дошкольных учреждений г. Минска (1996 г.). На следующий день мы приступили к работе с детьми, воспитателями и родителями. Это был первый серьезный и ответственный опыт, и с него началась практическая кризисная психология. Термин «кризисная психология» получил свой статус в 1997 году в вышедшей коллективной монографии «Кризисные события и психологические проблемы человека», где первая глава имела название «Методологические аспекты кризисной психологии» [1].

Подобных чрезвычайных происшествий, в которых участвовали кризисные психологи, было немало: убийство студента столичного вуза (1997 г.), трагедия на Немиге (1999 г.), трагедия в Краснополье (2004 г.), гибель членов экипажа белорусского транспортного самолета под Сомали (2007 г.), теракт в метрополитене (2011 г.), недавняя трагедия в Столбцах (2019 г.). Все эти события показали, что в Беларуси сформировалась профессиональная инфраструктура — неформальное сообщество психологов-практиков, способное к оперативному реагированию и саморегуляции в кризисных ситуациях с общей численностью пострадавших более двадцати человек. Функционирование данной инфраструктуры осуществлялось на волонтерских началах. Трудности, с которыми приходилось сталкиваться, заключались в законодательно неурегулированных механизмах оказания психологической помощи, в неопределенном статусе кризисного психолога, в межведомственной разобщенности и несвоевременности информирования о случившихся событиях. Не хватало общегосударственной политики, правил, предусматривающих процесс про-

ведения кризисного вмешательства в кризисной ситуации. 1 апреля 2019 года приказом Министра образования создан Республиканский центр психологической помощи, который призван преодолеть, прежде всего, организационную разобщенность кризисных психологов.

Четвертый этап. Пересмотр теоретических оснований. В истории развития кризисной психологии этот этап был ознаменован пересмотром теоретических оснований, поиском и систематизацией методов практической работы. Он вобрал в себя результаты многолетнего поиска ответа на вопрос: «*Как узнать и понять, что происходит с человеком в ситуации кризиса?*»

Было необходимо проводить научные исследования и наращивать объяснительную базу. Здесь мы столкнулись с трудностями организации исследования и этическими проблемами. Как «*обратиться к пострадавшему с диагностическим инструментарием, когда он находится в состоянии оцепенения, шока?*» Возможным выходом из сложившейся ситуации представлялось обращение к художественной литературе, тексты которой выступают как итог исследований кризисных явлений жизни. Этот прием использовали Б. М. Теплов, В. П. Зинченко, М. Мамардашвили, Э. Фромм, И. Ялом и другие. Возможность психологической науки пользоваться произведениями художественной литературы теоретически обосновал М. М. Бахтин в его «принципе вненаходимости».

Если подвести итоги этапа пересмотра теоретических оснований кризисной психологии, то можно сделать два предварительных вывода:

1) в основе теоретического строительства кризисной психологии находилось стремление преодолеть методологический подход к исследованию человека как к безголосой, бессубъектной вещи (М. Бахтин). Сказался кризис психологической науки в целом, смысл которо-

го — в потере целостного субъекта (статья В. П. Зинченко, М. Мамардашвили, 1977 г.), в расщеплении его внутреннего мира на части в процессе исследования дегуманизированными методами;

2) обращение к экзистенциальной психологии в качестве фундамента кризисной психологии оказалось продуктивным на теоретическом уровне, а на практическом — экзистенциальный анализ не смог стать основой для оказания помощи, поскольку кризисная психология предполагает экстренное и краткосрочное вмешательство.

Завершающий, пятый этап. Институционализация.

Сегодняшний этап развития кризисной психологии — период ее **институционализации**. Это новейший период в развитии кризисной психологии в нашей стране, ее сегодняшний день, который определяется возникновением магистратуры «Кризисная психология» и открытием 1 апреля 2019 года Республиканского центра психологической помощи с целью организации и проведения процедур кризисного вмешательства.

Создание этих двух государственных институтов предполагает асимпляцию практик кризисного вмешательства в структурах системы образования, выработку механизмов совершения совокупного социального действия, ориентированного на урегулирование чрезвычайных ситуаций. Результаты налаживания деятельности этих учреждений в будущем обозримы в некоторой отдаленной перспективе, однако на данном этапе наиболее значимым является тщательное продумывание вопросов, связанных с тем, кто и как будет этим заниматься и какие теоретические основания будут положены в основу деятельности кризисных психологов.

ВЫВОДЫ

1. Событие и жизненный путь.

Как академическая психология выглядит на службе у психологии практи-

ческой, психологии помогающей, кризисной психологии? Это принципиально. Традиционно академическая психология работает в рамках онтогенеза, который позволяет выявить закономерности развития исходя из сравнения единичной личности с выборкой, достаточной, чтобы делать соответствующие выводы. В данной ситуации академического психолога интересует не столько отдельный человек, сколько его отличие от условной нормы (по параметрам интеллекта, эмоционального состояния, мотивационной сферы, адаптационных ресурсов и т. д.).

Кризисную психологию же интересует не столько отличие человека от нормы, сколько отличие человека *после* события от человека *до* события. Поэтому ключевой категорией кризисной психологии является **событие**, которое рассматривается в рамках **жизненного пути**. Этот подход в отечественной психологии методологически разобрал и описал С. Л. Рубинштейн в параграфе «Жизненный путь и самосознание личности» из его знаменитой монографии «Основы общей психологии» [6].

Современная академическая психология личности опирается на теории черт, ролей, гуманистическую теорию. Их объединяет, как бы странно это ни звучало (как можно объединить гуманистическую теорию личности и теорию черт) асоциальность, слабый или полный отказ от учета социальной ситуации, событий жизненного пути, в рамках которых действует человек с определенным набором личностных черт, например.

2. Диспозиция и ситуация.

Почему мы, психологи, работающие со школьниками, например, запаздываем в определении опасности? Почему предсказание — не самая сильная сторона нашей деятельности? Эта причина носит методологический характер. Наше внимание обращено, прежде всего, на личность подростка, его самые различные характеристики, тем более, что психологического

Методологические и научно-практические проблемы кризисной психологии

инструментария для изучения личности за последние двадцать лет появилось великое множество. Что надо администрации образовательного учреждения — так это заранее знать, кто станет наркоманом, кто склонен к суициду, от кого можно ждать агрессивного поведения и насилия. И во многом они правы. «Если вы не можете помочь нам предотвратить такие трагедии, как в Столбцах, то чего же вы стоите?» — так может сказать руководитель образовательного учреждения.

В связи с этим я позволю себе напомнить формулу поведения К. Левина (поведение как функция личности и ситуации), а также теорию каузальной атрибуции. Мы, психологи, как наивный наблюдатель из теории каузальной атрибуции, обращаем внимание на диспозиционный фактор и исходя из него делаем выводы о причинах поведения и формулируем прогноз, а ситуационный фактор очень часто выпадает из поля зрения ученого, тем самым подтверждая фундаментальную ошибку атрибуции. Вот почему большинство теорий личности называют асоциальными теориями. Вот почему с 80-х годов прошлого века Кеннет Герген (Джерджен, под названием «социальный конструктивизм» предложил иную формулу объяснения поведения человека: **поведение личности, его смысл определяется лингвистической практикой, что и рождает определенные типы событий. Что это за лингвистическая практика у современного подростка, мы немного знаем, но как ее встроить в теорию личности подростка — пока не решенная задача.** Для традиционной стратегии личностный фактор (симптом, неблагополучия) является тем сигналом, который организует по инициативе будущего клиента встречу, но мы уже понимаем, что идет запаздывание.

3. Превентивная стратегия работы кризисного психолога. Особенности процедуры кризисного вмешательства.

Американский психолог Карен Сили, подводя итоги психологической помощи жертвам катастрофы 11 сентября в Нью-Йорке, сделала некоторые выводы, которые напрямую относятся и к нам [7].

1. Приходится отложить все, чему учили и что работало в условиях, близких к идеальным, когда два удобных кресла расположены в кабинете, оборудованном всем необходимым для терапии.

2. Надо понимать, что в процессе работы с кризисным событием в обществе мы и наши пациенты переживаем одну и ту же трагедию, что означает, что обычное разграничение полюсов терапевта и пациента (возможно, одно из наиболее важных условий в психологическом лечении), здесь и теперь может перестать существовать.

3. Присоединись, а потом направляй. Немедленно после кризисного события, в процессе кризисного вмешательства отмечается эффективность необычных «ходов». Например, кофе с печеньем может помочь создать атмосферу, в которой погружившийся в молчание человек начинает говорить. «Прикосновение или нанесение узоров», как учила Е. М. Черепанова в 90-е годы белорусских психологов [9].

4. Возможности превенции кризисного события в системе образования.

Для взгляда кризисного психолога важны не столько особенности личности будущего нарушителя спокойствия, сколько возникшее событие его жизни, которое носит для него экстремально невыносимый характер. Кризисный психолог, безусловно, работает с личностью, но сигналом для начала работы является появление кризисного события в жизни этой личности.

Мы стоим перед необходимостью создания концепции **«событийной психологии»**, или мы будем продолжать наращивать создание утонченного психологического инструментария и все больше отходить от жизни чело-

века, живущего в непростых событиях своего жизненного пути.

Сейчас мы нередко пропускаем трагическое событие и «ждем» когда кризисное событие жизненного пути проявится в виде симптома в поведении личности, когда сценарий жизни проявится в виде неблагополучия.

Но и исчезновение симптома под психологическим воздействием квалифицированного психолога не означает, что человек повернулся в сторону жизни, т. е. свернул с пути к смерти. Напомню о судьбе бедного Феди (героя повести М. Зощенко «Перед восходом солнца» в интерпретации Андрея Пузыря), который избавился от экземы как психосоматического симптома и стал ближе к смерти [5].

Общий вывод по данному пункту может носить следующую формулу. Нам необходимо освоение двойной оптики взгляда на человека, к которому мы подходим с процедурой кризисного вмешательства. Первая и основная оптика — это рассмотрение личности с позиции событий жизненного пути и выявления, чем человек, его самосознание сегодня отличается от человека до события. Вторая оптика в рамках онтогенеза — чем наш сегодняшний человек отличается от некоей нормы в поведении, эмоциональной сферы, мотивации, жизнедеятельности. Только осмысление двух взглядов на человека в кризисе позволит предложить стратегию кризисного вмешательства, отражающую диспозиционную и личностную характеристику.

5. Использование индивидуального опыта преодоления.

Как можно использовать индивидуальный опыт преодоления, если мы являемся представителями когнитивно-бихевиоральной терапии, или психоанализа, или гуманистического направления и т. д. Мы подходим к пострадавшему с позиции одного из подходов, когда в понимании личности ве-

дущую роль играют или когниции, или аффекты, или вера и т. д.

Но мы знаем, что человек имеет свой индивидуальный код выживания, о котором еще в 80-х годах прошлого века говорили Лазарус и Фолкман. В их концепции транзактной теории стресса и копинга присутствует восемь копинг-стратегий.

Важность и возможность учитывать индивидуальный код выживания была предложена известным ученым и не менее известным практиком Мусли Лаадом [1; 2]. Им разработана и апробирована концепция BASIC, которую дополняет диагностическая шестишаговая модель выявления кода выживания, основанная на юнгианской методологии и теории волшебных сказок В. Проппа. В концепцию М. Лаада входит и разработанный им принцип непрерывности.

6. Личность кризисного психолога.

Для работы в качестве кризисного психолога человек должен **понять и принять себя с позиции экзистенциального взгляда на мир**, выяснить для себя, есть ли у него «мужество быть» (Пауль Тиллих) [8], чтобы справляться со сложными жизненными обстоятельствами. Мы должны определить и постоянно определять для себя проблему жизни и смерти, ответственности и выбора, любви и одиночества и, конечно, не прекращать поиска смысла существования. ...Интересно замечание Карен Сили: «Даже если у них не было должной подготовки в области травмы, их личностные качества давали им право на вмешательство» [7].

С этих глобальных позиций следует применять на практике тот теоретический и практический подход, который соответствует коду выживания пострадавшего. Формула успешного кризисного психолога: экзистенциальный взгляд на мир и на себя — теория психотерапии — опыт пострадавшего.

Психические состояния человека в кризисных ситуациях и их последствия

Личность кризисного психолога — это, прежде всего, «личность, основанная на этике», умеющая поступать и относиться нравственно к себе и к другим людям во время и вне времени психотерапевтической практики. Второе время здесь важнее первого, так как оно постоянно готовит психолога быть эффективным участником в событиях перемен.

Итак, кризисному психологу XXI века следует понять важность следующих тезисов:

1. Событие жизненного пути. Академическая психология наряду с рассмотрением человека в рамках онтогенеза должна обратить внимание на события жизненного пути как возможную причину появления отклонения в поведении.

2. Диспозиция и ситуация. Обращать внимание на то, как ситуация влияет на выстраивание поведения человека, учитывать, что ситуация нередко нивелирует диспозиционные характеристики личности.

3. От симптома к событию. Переориентация внимания кризисного психолога с симптома (нарушения поведения, например) на событие жизненного пути, которое носит для человека невыносимость бытия и выражается в симптомах неблагополучия, в анти-социальном, аутодеструктивном поведении.

4. Превентивный подход. Стратегическая модель кризисного вмешательства имеет свое понимание места, времени, способов проведения реабилитационных мероприятий.

5. Индивидуальный опыт преодоления. При организации и проведении процедур кризисного вмешательства необходимо учитывать опыт преодоления личными катастроф, индивидуальный код выздоровления.

6. Перестройка подготовки школьных психологов с учетом многолетнего опыта дает шансы и возможность снижения частоты случаев появления кризисных событий в системе образования Республики Беларусь.

7. Оценка кризисным психологом себя с позиции экзистенциального взгляда на мир. Психолог — это личность, основанная на этике экзистенциализма, умеющая поступать и относиться нравственно к себе и к другим людям во время и вне психотерапевтической практики. Личность кризисного психолога есть постоянная борьба за «мужество быть частью», «мужество быть собой» и «мужество принять приятие» [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кризисные события и психологические проблемы человека / под ред. Л. А. Пергаменщика. — Минск: НИО, 1997. — 207 с.
2. Lahad, M. Storymaking in assessment method for coping with stress / M. Lahad. In S. Jennings (ed.) // *Cramotherapy Theory and Practice II*. — London: Routledge. — 1992. — Pp. 150—163.
3. Lahad, M. BASIC Ph — The story of coping resources, Community Stress Prevention (vol. II). (eds.) Пергаменщик, Л. А. По следам истории: анализ нарратива об опыте создания и развития кризисной психологии в РБ / Л. А. Пергаменщик, Л. А. Вертынская // Психология и жизнь: актуальные проблемы кризисной психологии: материалы IV Междунар. научно-практ. конф. (16—17 мая 2019 года, Институт психологии БГПУ им. М. Танка, г. Минск) / редкол.: С. И. Коптева, Л. А. Пергаменщик, Н. Л. Пузыревич. — Минск, БГПУ, 2019. — 396 с.
4. Пузырей, А. А. Драма неисцеленного разума: послесловие к кн. М. Зощенко «Повесть о разуме» / А. А. Пузырей. — М.: Педагогика, 1990.
5. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. / С. Л. Рубинштейн. — М.: Педагогика, М. 1989. — 383 с.
6. Сили, К. Психотерапия травмы и травма психотерапии (терапевты об 11 сентября 2001 г.) / К. Сили // Московский психотерапевтический журнал. — 2006. — № 4.
7. Тиллих, П. Избранное: теология культуры. пер. с англ. / П. Тиллих. — М.: Юрист, 1995. — 479 с.
8. Черепанова, Е. М. Психологический стресс: кн. для школьных психологов, родителей и учителей / Е. М. Черепанова. — М.: Издательский центр «Академия», 1996. — 96 с.